Horyzonty slawistyki w XXI wieku

stan obecny i perspektywy rozwoju

pod redakcją: Jolanty Chomko i Anny Romanik

Białystok 2022

Recenzenci:
dr hab. Katarzyna Wojan, prof. UG
dr hab. Piotr Złotkowski

Opracowanie graficzne:
Piotr Paczuski

Redakcja i korekta:
Krzysztof Rutkowski

Redakcja techniczna i skład:
Stanisław Żukowski

© Copyright by Uniwersytet w Białymstoku, Białystok 2022

ISBN 978-83-7431-731-3

Projekt finansowany w ramach programu Ministra Nauki i Szkolnictwa Wyższego pod nazwą „Regionalna Inicjatywa Doskonałości" w latach 2019–2022, nr projektu: 009/RID/2018/19, kwota finansowania 8 791 222,00 zł.

Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku
15-328 Białystok, ul. Świerkowa 20b
tel. 857457120, e-mail: wydawnictwo@uwb.edu.pl
http://wydawnictwo.uwb.edu.pl

Druk i oprawa: volumina.pl Daniel Krzanowski

SPIS TREŚCI

Jolanta Chomko, Anna Romanik
Słowo wstępne 7
Зоя Адамия
Роль библейских выражений и афоризмов в преподавании славянских языков 9
Bożena Bolesta-Wrona
Пресуппозиции в рекламе часов 23
Людмила Чернышова
Новейшие заимствования: экологический аспект 33
Марина Дорофеенко
Топонимный, архитектурный и природный ландшафты в белорусском ономастическом пространстве 41
Ольга Фелькина
Первообразные предлоги в современных восточнославянских языках: различия в семантике и частотности 53
Ірына Гапоненка, Марына Свістунова
Філолагі-славісты XIX ст. пра характар пісьмовай традыцыі ў гісторыі беларускай мовы 65
Елена Геккина
Имена собственные как фактор неологизации современного русского языка 85
Алег Копач
Адзінкі субардынатнага ўзроўню катэгарызацыі ў тапаніміі Беларусі 95

Анна Мезенко
Асимметрия женского и мужского в зеркале урбанонимии Белостока 107
Анна Мезенко
Учебное пособие по ономастике в системе подготовки магистрантов-филологов 115
Манана Микадзе
Проблемы при обучении русскому языку в условиях пандемии 125
Лариса Рацибурская
Актуальные социальные процессы в современных неологизмах 133
Зоя Сидорович
Нейролингвист: перспективы развития специальности 143
Татьяна Сивова
Колористическая визуализация азалии: от индивидуально--авторской картины мира писателя к коллективному языковому сознанию 151
Pavel Štěpán
Standardizace českých toponym versus jazyková kodifikace 169
Veronika Štěpánová
Moderní jazykové poradenství ve slovanském světě, zejména v Česku: zpřístupňování dat prostřednictvím webové databáze 179
Robert Szymula
Sposoby werbalizacji konceptu ROSJA w orędziach prezydenta do Zgromadzenia Federalnego 195

Summary 209

Indeks osobowy 209

Słowo wstępne

Oddajemy do rąk czytelników monografię wieloautorską, którą adresujemy do znawców oraz miłośników języków i kultur słowiańskich. Problematyka podejmowana w tekstach odzwierciedla zdefiniowany w tytule książki wątek przewodni, a głównym obszarem zainteresowań naukowo-badawczych stały się w niej języki Słowian. Współautorzy niniejszego tomu – przedstawiciele slawistycznych środowisk językoznawczych różnych jednostek naukowych z Polski, Rosji, Białorusi, Gruzji i Czech – podeszli do zaproponowanego tematu z naukowym zachwytem i wnikliwością, prezentując jednocześnie różnorodność ujęć badawczych, z uwzględnieniem zarówno tradycyjnych, jak i nowatorskich metodologii. Zebrany materiał przedstawia tendencje rozwojowe współczesnej slawistyki, rejestruje zmiany w poszczególnych językach narodowych (rosyjskim, białoruskim, czeskim, polskim), powodowane wszechobecną globalizacją, postępem cywilizacyjnym, ewolucją mentalną współczesnych społeczeństw czy też innymi wydarzeniami, jak na przykład pandemia koronawirusa.

Poruszany szeroki wachlarz tematyki umożliwia prezentację prac prowadzonych przez różne ośrodki akademickie. W niniejszej monografii proponujemy lekturę tekstów dotyczących kilku działów językoznawstwa, począwszy od lingwistyki kognitywnej, kontaktowej, normatywnej poprzez onomastykę, na dydaktyce skończywszy. Autorzy w swoich pracach nakreślili perspektywiczne kierunki rozwoju współczesnej slawistyki (*Нейролингвист: перспективы развития специальности*), opisali dynamiczne procesy językowe zachodzące we językach słowiańskich (*Актуальные социальные процессы в современных неологизмах*; *Имена собственные как фактор неологизации современного русского языка*; *Первообразные предлоги в современных восточнославянских языках: различия в семантике и частотности*; *Пресуппозиции в рекламе часов*; *Новейшие заимствования: экологический аспект*), odnieśli

się do problemów współczesnej i dawnej leksykografii słowiańskiej oraz normy językowej (*Standardizace českých toponym versus jazyková kodifikace*; *Moderní jazykové poradenství ve slovanském světě, zejména v Česku: zpřístupňování dat prostřednictvím webové databáze*; *Філолагі-славісты XIX ст. пра характар пісьмовай традыцыі ў гісторыі беларускай мовы*), zaprezentowali problemy z zakresu językoznawstwa kognitywnego (*Колористическая визуализация азалии: от индивидуально-авторской картины мира писателя к коллективному языковому сознанию*; *Sposoby werbalizacji konceptu ROSJA w orędziach prezydenta do Zgromadzenia Federalnego*). W monografii znalazły się również artykuły z zakresu współczesnej glottodydaktyki, poświęcone aktualnym problemom teorii i praktyki nauczania języków słowiańskich jako obcych (*Роль библейских выражений и афоризмов в преподавании славянских языков*; *Учебное пособие по ономастике в системе подготовки магистрантов--филологов*; *Проблемы при обучении русскому языку в условиях пандемии*). Wśród zaproponowanych opracowań znajdują się także teksty prezentujące analizę nazewnictwa osobowego (*Асимметрия женского и мужского зеркале урбанонимии Белостока*; *Топонимный, архитектурный и природный ландшафты в белорусском ономастическом пространстве*; *Адзінкі субардынатнага ўзроўню катэгарызацыі ў тапаніміі Беларусі*).

Slawistyka, jako temat przewodni danego studium, stanowi rozległe pole badań, niemniej w przygotowanym tomie podjęto próbę syntetycznego opisu lingwistycznej wspólnoty narodów należących do tej samej grupy językowej. Oczywiście z wyrażonymi w tekstach poglądami Autorów można się utożsamiać lub nie, ale – bez wątpienia – stanowią one oryginalną wizję opisywanej rzeczywistości i dają asumpt do dyskusji. Jesteśmy przekonane, że wiedza oraz doświadczenie Autorów zaważyły o wartości tej pracy. Pokładamy jednocześnie nadzieję, że będzie ona powodem do głębszej refleksji i zainspiruje czytelników do dalszych poszukiwań badawczych.

Pragniemy jednocześnie wyrazić podziękowania wszystkim Autorom, którzy przyczynili się do powstania tej publikacji oraz Recenzentom za wnikliwą lekturę i merytoryczne uwagi!

Jolanta Chomko
Anna Romanik

Татьяна Сивова
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
e-mail: sitavi@tut.by
ORCID: 0000-0002-8800-9987

Колористическая визуализация азалии: от индивидуально-авторской картины мира писателя к коллективному языковому сознанию

Исследование лексики растительного мира имеет долгую и плодотворную историю в языкознании. Широкий спектр аспектов исследования (диахронический, этимологический, стилистический, функциональный, сопоставительный, социолингвистический, лингвокультурологический и др.), многообразие материала исследования (диалектный, лексикографический, художественный, журналистский, рекламный дискурс) свидетельствуют о непреходящей актуальности лингвистического описания растительного мира, в свете когнитивного поворота в современной лингвистике – о важности комплексной реконструкции концептосферы «РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР». Активные исследования в данной области обусловливают заслуживающую отдельного рассмотрения динамику развития терминосистемы предметной области «растительный мир», ср.: 1) *лексика фитонимическая*, *флористическая*, *флоры*, *растительного мира*, *растительная*, *ФЕ с растительным компонентом*; *вегетативная*, *ботаническая*, *флоронимическая* и др.; 2) *фитонимический/ая/ое лексика*, *номинация*, *образ*, *метафора*, *символика*, *код*, *пространство*, *концепт*, *языковая картина мира*; 3) термин *фитоним*, преимущественно в широком понимании [Аникина 2018; Дьяченко 2012; Кудрявцева 2015; Летова 2012; Рубцова 2014], *флороним* [Кожевников 2018; Федяева 2013], *флорономен* [Даки 2013], *флорообраз* [Горбовская 2015], а также, в понимании Е.К. Алешиной, научно-терминологические единицы *фитотермины* и единицы когнитивной/народной ботанической номенклатуры *фитонимы*, включающие *фитосоматизмы*, *фитохарактеристики* [Алешина 2009; Копочева 1985], более того, вводимый в научный оборот Ю.Н. Исаевым термин *флорема*:

> совокупность слов, относящихся к различным тематическим подгруппам, объединенных общим семантическим компонентом – «растительный мир» с их несовпадающей лексической, грамматической и словообразовательной разновидностью [Исаев 2019, 27].

Подробный обзор и плодотворные попытки систематизации терминов, используемых для наименования лексических единиц тематической группы «растительный мир», представлены в работах Е.К. Алешиной [Алешина 2009], Т.В. Аникиной [Аникина, 2018], И.Р. Кожевникова и соавторов [Кожевников 2018], А.М. Летовой [Летова 2012].

Солидаризируясь с мыслью П.В. Кропотухиной и

> несмотря на многообразие методик, используемых авторами, их объединяет мысль о том, что растительный код – это универсалия, дающая возможность рассмотреть один из древнейших способов моделирования действительности (выделено – Т.С.) [Кропотухина 2014, 35],

мы концентрируем внимание на специфике «колористического моделирования» действительности [Сивова 2021a; 2021b; 2021c и др.], фиксируя закономерное пересечение зон/элементов флористической и колористической концептосферы языка. Так, например, актуализируя экстралингвистические данные, А.П. Василевич и Т.А. Михайлова в связи с синим цветом отмечают «характер красителя, используемого для его получения. В России его получали из растения синиль» [Василевич, Михайлова 2003]. Важны для нашего исследования и выводы, сделанные Ю.А. Дьяченко, Н.Б. Кудрявцевой, А.А. Парфеновой, О.Г. Рубцовой, С.В. Семочко и Я.А. Шумаровой. Так, О.Г. Рубцова, обращаясь к материалу марийского, русского, немецкого и латинского языков, анализирует особенности фитонимов, основанных на прямом цветообозначении, и приходит к выводу о том, что «в разносистемных языках при сравнительном анализе выявляются типологические сходства для номинации фитонимов» [Рубцова 2014, 152]. Н.Б. Кудрявцева, исследуя категорию цвета в номинациях фитонимов немецкого языка, заключает:

> в названиях растений инкорпорированы как универсальные, так и национально-специфичные представления о растительном мире, нашедшие отражение в определенных способах цветообозначения, отражающих специфический способ восприятия и концептуализации окружающей действительности представителями определенного лингвоэтнического социума [Кудрявцева 2015, 646].

По наблюдениям С.В. Семочко и Я.А. Шумаровой, рассматривающих языковые особенности номинаций русских и немецких фитонимов с точки зрения этимологии и культурной специфики, «3% русских фитонимов получили свое название из-за своего цвета или времени произрастания». См. приводимые авторами исследования иллюстрации: название дикого тюльпана *лазорик* от *лазоревый*, по второй версии – от *заря*: «вероятнее всего, раньше цветок назывался ал-зоревым, от слова *алый*, то есть алая заря; [...] номинация закрепилась по цвету бутонов, т. е. они такие же ярко-алые, как и заря», по третьей версии (с ссылкой на книгу В.С. Моложавенко *Тайна красоты*) – от *лал*: «восточный самоцвет кроваво-красной окраски – лал, именно так и называют тюльпан в Закавказье и Болгарии» [Семочко, Шумарова 2020, 148–149]. Обращаясь к потенциалу художественного текста, Ю.А. Дьяченко исследует «цветопись фитонимической лексики в художественной прозе Е.И. Носова» и отмечает, что ее использование писателем «при характеристике растительных реалий отличается разнообразием, а конструкции со значением цвета характеризуются своеобразным грамматическим выражением» [Дьяченко 2012, 38].

Разделяя мнение Д.С. Лихачева о том, что «концептосфера русского языка, созданная писателями и фольклором, исключительно богата» [Лихачев 1997, 157], а также мысль В.Г. Кульпиной о приоритетности описания цветовой концептосферы русского языка [Кульпина 2019], выявим колористический диапазон, актуализируемый в описаниях азалии, проследим специфику ее цветовой визуализации, обратившись к разнообразному языковому материалу: от прозы К.Г. Паустовского, фитонимический фонд которой представлен более чем 400 единицами, цветовой фонд – 42 ядерными концептами цвета [Сивова 2021а, 639], до лексикографических сведений, данных НКРЯ (поэтический и основной подкорпус), ассоциативного эксперимента, рекламного текста, получив, таким образом, фрагмент описания цветовой концептосферы растительного пространства русского языка.

Цвет азалии. Лексикографическая репрезентация

В ряде доступных нам лексикографических источников представлены словарные статьи АЗАЛИЯ, или РОДОДЕНДРОН ‘растение сем. вересковых, с крупными цветками, произрастающее в горных местностях и разводимое как декоративное’, ‘азалия’ [*Большой...* 2000, 1126], в которых актуализируется колористическая характеристика растения (либо в зоне

толкования, либо в иллюстративной зоне, содержащей контексты употребления фитонима). Представим ниже качественный состав используемых в визуализации азалии терминов цвета.

РОЗОВЫЙ, БЕЛЫЙ, КРАСНЫЙ. *Толковый словарь русского языка* под ред. Д.Н. Ушакова фиксирует термины цвета *розовый*, *белый*, *красный* в сопровождающемся оценочной характеристикой описании растения: ***азалия*** ‘декоративное растение с красивыми цветами, розовыми, белыми или красными’ [*Толковый...*, Ушаков].

РОЗОВЫЙ, БЕЛЫЙ, ЖЕЛТЫЙ, КРАСНЫЙ. Колористический диапазон расширяется до 4 компонентов термином цвета *желтый*, зафиксированном в *Толковом словаре русского языка* С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой: ***азалия*** ‘декоративное кустарниковое растение сем. вересковых с розовыми, белыми, желтыми или красными цветками’ [Проект...], равно как и в *Русском семантическом словаре* под общей ред. Н.Ю. Шведовой: ***азалия*** ‘декоративный кустарник сем. вересковых с розовыми, белыми, желтыми или красными цветками, садовая форма рододендрона’ [Проект...].

БЕЛЫЙ, РОЗОВЫЙ, КРАСНЫЙ. В ЦВЕТУ. НАРЯДНЫЙ. Помимо собственно колористического признака, фиксируемого в зоне толкования, значимым признаком становится актуализируемая в иллюстративной зоне характеристика ‘находиться в цвету’, более того – цветовой признак может выражаться имплицитно. См. *Словарь русского языка XXI века* Г.Н. Скляревской и др.: ***азалия*** ‘декоративный кустарник семейства вересковых с белыми, розовыми или красными воронкообразными цветками’; ‘цветущая ветка, цветок этого кустарника’; ‘такой кустарник как комнатное растение’ *Нарядная, цветущая азалия* [Скляревская и др. 2019, 265].

РАЗЛИЧНОЙ ОКРАСКИ. В некоторых словарях в лексикографическом толковании находит отражение признак ‘разнообразный, всякий, возможный’. Так, *Большой толковый словарь русского языка* под ред. С.А. Кузнецова определяет азалию как ‘южный кустарник сем. вересковых, с крупными цветками различной окраски’ [*Большой...* 2000, 30], как и *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный* Т.Ф. Ефремовой, который фиксирует следующее значение: *азалия* ‘декоративное кустарниковое растение с крупными воронкообразными цветками различной окраски’ [Ефремова 2000]. Примечательно, что закрепленный в лексикографическом описании растения признак множественности окраски фиксируется, согласно данным НКРЯ, на протяжении довольно длительного времени: *Кругомъ пруда росло* ***много кустовъ азалій, покрытыхъ цвѣтами всевозможныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ***, *представ-*

ляя чуть не волшебную картину (Г.Г. Селецкій, *646 дней въ плѣну у японцевъ* (1910) [НКРЯ].

ЯРКИЙ. Словарные дефиниции рододендрона расширяют колористический спектр, используемый в описании азалии, до включения лексемы со значением ‘отличающийся чистотой и концентрированностью тона, цвета’. Так, *Новый словарь иностранных слов* Е.Н. Захаренко, Л.Н. Комаровой, И.В. Нечаевой фиксирует следующее толкование: ***рододендрон*** ‘род кустарников и деревьев сем. вересковых с яркими, собранными в соцветия или одиночными цветками, распространенных гл. обр. в Сев. полушарии’ [Проект...].

ЗЕЛЕНЫЙ, ЗОЛОТИСТЫЙ. РАЗЛИЧНОЙ ОКРАСКИ. В *Русском семантическом словаре* под общей ред. Н.Ю. Шведовой приводится следующее определение рододендрона: ‘декоративный или дикорастущий вечнозеленый или листопадный кустарник (реже небольшое дерево) сем. вересковых с плотными листьями и крупными цветками различной окраски’ *Рододендрон золотистый, даурский, камчатский* (виды) [Проект...], в котором актуализируется лексема *вечнозеленый* ‘не сбрасывающий листвы’, ‘остающийся с зеленой листвой, хвоей в течение всего года’, а также цветообозначение *золотистый* в составе терминологической номинации *Рододендрон золотистый*. Последнее наглядно иллюстрирует один из выводов, который делает В.Г. Кульпина, описывая экстралингвистические факторы динамики в сфере цветономинации: терминологическая функция является «одной из важнейших и весьма распространенных функций цветообозначений» [Кульпина 2019, 145].

ТЕМНО-ЛИЛОВЫЙ. В содержащей фрагмент художественного текста иллюстративной зоне словарной дефиниции ***рододендрон***, согласно *Словарю русского языка* под ред. А.П. Евгеньевой, фиксируется термин цвета *темно-лиловый*, расширяющий реконструируемый нами цветовой диапазон: ‘растение сем. вересковых, с крупными цветками, растущее в горных местностях и разводимое как декоративное: *Рододендроны были в полном цвету; среди лапчатых глянцевитых листьев пылали* ***темно-лиловые чаши цветов***. (А.Н. Толстой, *На Кавказе*) [Проект...].

Таким образом, согласно данным словарей, в цветовом описании азалии, или рододендрона доминируют термины цвета *белый, красный, розовый* 4, далее по значимости – значение ‘различной окраски’ 3, термины цвета *желтый* 2, *зеленый, золотистый* (в терм. зн.), *темно-лиловый* 1, лексемы *нарядный, цветущий, яркий* 1. Прогнозируя закономерное расширение выявленного цветового диапазона, обратимся к прозе К.Г. Паустовского, мастера художественного слова (материалом для исследования послужили тексты, включенные в *Собрание сочинений в 9 т.*).

Цвет азалии. Индивидуально-авторская колористическая картина мира

ЗЕЛЕНЫЙ, ЖЕЛТЫЙ. ФАРФОРОВЫЙ. Для цветовой визуализации азалии К.Г. Паустовский использует термины цвета *зеленый*, *желтый*, *фарфоровый*. Причем, в отличие от зафиксированной словарем преимущественной соотнесенности цветового признака с собственно цветком, писатель наделяет цветом в первую очередь листья растения, колористическое описание которых лежит в области авторского идиостиля, является результатом пересечения пространства природы и творчества (живописи): *Тусклые лампочки освещали* ***картину*** *Бечо. Лапшин всмотрелся в нее. Как здесь все напутано! Разве* ***у рододендронов*** *бывают* ***такие листья****? Почему художники всегда перекраивают действительность по-своему и кому это нужно?* [...] *Чем больше я смотрю на эту картину, тем больше возмущаюсь. Разве это лимоны? Пивные бутылки!..* ***А листья****! Ведь это же* ***осколки зеленой посуды****...* [Паустовский 1981, 574]. Создавая описание азалии, писатель, с одной стороны, остается в пределах колористической традиции (зафиксирован случай корреляции термина цвета *желтый* с партитивом *венчик*): *Смотри выше. Видишь* ***желтый венчик****? Это* ***азалия*** [Паустовский 1982, 71], с другой – расширяет границы лексической сочетаемости (*фарфоровый* ‘блестящий’ (о коже, цвете лица) [*Большой...* 2000, 1417]): *Из земли сочился лекарственный запах корней.* ***Фарфоровые листья рододендронов*** *валялись в траве, как морские звезды* [Паустовский 1981, 538].

Цвет азалии. Русскоязычный цветовой стандарт

Обращение к Национальному корпусу русского языка, который, по авторитетному мнению В.А. Плунгяна, «не просто дань техническому прогрессу или более удобный инструмент для поиска примеров; это именно примета новой идеологии изучения языка, для которой язык – вообще говоря, *и есть корпус*», обусловлено широкими возможностями, которые раскрывает НКРЯ, его доказательной силой: «использование корпуса особенно тесно связано именно с проблемой доказательства существования в языке того или иного явления» [Плунгян, 2008]. В данной статье мы используем материалы основного корпуса НКРЯ, «в который входят прозаические (включая драматургию) письменные тексты XVIII – начала XXI века» [НКРЯ], и корпуса поэтических текстов.

Репрезентируемый Национальным корпусом русского языка (основной корпус) [НКРЯ] цветовой диапазон азалии включает термины цвета

розовый 6, *белый* 5, *желтый*, *лиловый*, *малиновый* 2, *пунцовый* 1, а также лексемы со значением 'быть в поре цветения', спорадически – 'перестать цвести' и 'окрашенный во множество цветов', коррелирующие преимущественно с лексемой *цветок*, в меньшей мере – *букет*, *куст*, *лепесток*, *соцветие*, *цветение*.

розовый. Доминирует в цветовой палитре термин цвета *розовый*: *Утро началось с появления в доме роскошной* ***розовой азалии*** *для Ни* (Л.Ю. Бердяева, *Дневники*, 1934); *Старый паркет поскрипывает, в стеклянной столовой* ***розовеют*** *большие* ***кусты азалий****, печи жарко натоплены* (Г.В. Иванов, *Петербургские зимы*, 1928). Его функционирование специфично включением в состав многоцветных описаний растения, основанных как на использовании цепочек цвета: *На подстриженных лужайках цветут* ***розовые, белые, лиловые цветы азалий*** (В.В. Овчинников, *Своими глазами*, 2006), так и композитных цветообозначений: *Весной сад окутывают бело-розовые облака цветущей сакуры,* ***красно-малиново-розовая пелена цветущих азалий****, осень полыхает костром из листвы кленов* (М. Мерзликина, *Тропой японского божества*, 2002). Более того, в корреляции с фитонимом *розовый* обнаруживает тенденцию к созданию термина цвета *розовая азалия*: *Сама природа подсказала и* ***цветовую гамму*** *для них: коричневатый бамбук,* ***розовая азалия*** *и серый камень, теплая терракота и слоновая кость* (Т. Косарева, *Гербарий. Новый подход к оформлению стен*, 2003), которая подтверждается современным рекламным дискурсом: *Still / Помада кремовая "ALL STARS" № 111 Розовая азалия* [Wildberries]; *Тени для век – 54 Розовая Азалия – Матовые* [Ив Роше]. В связи с изложенным ценность для нашего исследования приобретают рассуждения Э.А. Хабибулиной, Сун Чуньчунь, О.Н. Чарыковой. Так, обращаясь к исследованию системы цветообозначений в рекламных каталогах декоративной косметики, Сун Чуньчунь и О.Н. Чарыкова отмечают, что «для создания образной составляющей колоратива используются лексические единицы различных тематических групп», иллюстрируя свою мысль, в частности группой лексем, называющих цветы и их части (14,8%): азалия (выделено – Т.С.), *английская роза*, *астра*, *африканская фиалка*, *бархатная орхидея*, *оранжевая настурция*, *цикламен*, *цинния* и др. [Сун Чуньчунь, Чарыкова 2016, 31]. Э.А. Хабибулина также констатирует возрастающую значимость номинаций цветов в рекламном дискурсе:

> цветы всегда вызывают у женщин положительные эмоции и чувства. Этот факт активно используется в рекламных целях, о чем свидетельствуют многочисленные цветообозначения в женском ассортименте, основываю-

щиеся на сравнении с цветами: *azalee*, *cyclamen*, *flieder*, *fuchsie*, *krokus*, *lavendel*, *malve*. Эти цветонаименования привлекательны для покупательниц, хотя их цветовое значение часто неоднозначно (выделено – Т.С.), например мальва может иметь пурпуровые, лиловые, розовые или белые цветы, азалия – розовые, белые, желтый или красные [Хабибулина 2014, 105].

Можем предположить, что факультативность конкретизации цвета в подобных случаях свидетельствует об актуализации цветового стереотипа растения: *розовая азалия*.

белый, согласно данным НКРЯ, занимает равнозначимую позицию в цветовой визуализации азалии: *Я увидела громадный* ***букет белых азалий****, перемешанных с пурпуровыми розами, стоявший на туалете* (Л.А. Чарская, *Записки институтки*, 1901); *Четыре дня спустя, в день моего рождения,* ***с корзиной белых азалий*** *позвонился я в Полуектовом* (К.С. Петров-Водкин, *Моя повесть*, 1932); актуализируется в системе антропоморфных параллелей художественного текста: *Говорят, что я вышел из белой водяной лилии, другие рассказывают, что* ***в меня превратился белый цветок*** *махровой* ***азалии****, но это все равно* (Н.П. Вагнер, *Сказки Кота-Мурлыки*, 1872).

желтый. Термин цвета *желтый* коррелирует преимущественно с собственно фитонимом *азалия*: *Накануне я пробралась в комнату, всю затянутую черной кисеею, где стоял гроб Юлико, и, положив на кудри покойного* ***венок из желтых азалий*** *и бархатных магнолий, сплетенный мною собственноручно...* (Л.А. Чарская, *Княжна Джаваха*, 1903), расширяет оценочный диапазон цветовой характеристики: *Все это великолепие было заткано сплошной зеленой стеной ползущих растений,* ***дерзко-желтой азалией****, ежевикой, переплетенными лианами* (А.Г. Колмогоров, *Мне доставшееся*, 2012).

малиновый. Функционирование термина цвета *малиновый*, согласно данным НКРЯ, сопряжено с актуализацией эмоционально-оценочной составляющей: *Но трудно представить себе что-либо* ***эффектнее*** *опушек и прогалин среди таких лесов на горах, когда они сплошь зарастают* ***чудными малиновыми цветами азалий*** *и низкорослых рододендронов...* (Д.Н. Анучин, *Япония и японцы*, 1907).

пунцовый. Термин цвета *пунцовый* в цветоописаниях азалии посредством ассоциативных связей эксплицирует этно- и социомаркированность: ***Пунцовые соцветия азалий*** *нацелены на меня в упор,* ***словно*** *бессонно-бдительные* ***звезды моей Родины,*** *– здесь я на ее территории* (А. Браво, *Комендантский час для ласточек*, «Сибирские огни», 2012). Подобные ассоциативные связи могут устанавливаться и при имплицитном

выражении цвета: *Неясно улыбающаяся Лола пришпилила генералу* ***бутоньерку*** *из листьев буксуса и махровых* ***азалий, составлявшую своими тонами национальные цвета*** (Б.А. Лавренев, *Крушение республики Итль*, 1925).

в цвету. Данные НКРЯ свидетельствуют о значимости для носителя русского языка восприятия азалии в цвету[1]: *Большая проходная гостиная вся была декорирована высокими* ***цветущими рододендрами, азалиями***[2], *камелиями и прочими тепличными растениями, под тенью которых за устроенным буфетом дамы в продолжение бала угощали яствами и прохладительными напитками* (В.А. Шомпулев, *Записки старого помещика*, 1897–1908); *Дешевизна их поразительна: три марки стоит большущий* ***куст цветущей азалии*** (А.И. Куприн, *Немножко Финляндии*, 1908). Помимо фиксации факта цветения, важным представляется указание на интенсивность цветения: *И потом меня поразила масса цветов и на окнах и в углах комнат, а в гостиной чудные кокосовые пальмы до потолка и камелии и* ***азалии в полном цвету*** (А.В. Левицкая, *Воспоминания*, 1943); *Здесь преобладают вечнозеленые – самшит, лавровишня, бересклет, различные хвойные, много* ***пышно цветущих азалий*** *и* ***рододендронов*** (В. Панкратов, *Ландшафтный дизайнер в стране парадоксов*, 2003). Функциональность описаний цветущей азалии осложняется актуализацией пространственно-временной координаты.

Так, описание цветения азалии темпорально структурирует пространство текста (*февраль, май, весна*): ***Азалия начинает цвести****. Это самое плохое время –* ***февраль*** *и все-таки волшебный край* (П.Н. Краснов, *От Двуглавого Орла к красному знамени*, 1922); *Но и – радость от пасхальной утрени,* ***от*** *поразительной красоты* ***мая****, солнце,* ***цветущие азалии****, легкость воздуха* (А.Д. Шмеман, *Дневники*, 1973–1983); *Например,* ***весеннее цветение азалий*** *или пламенеющие к осени листья кленов* (В. Овчинников, *Ветка сакуры*, 1971). Более того, эксплицирует специфику этноязыкового сознания: *Зимой принято* ***любоваться*** *свежевыпавшим снегом.* ***Весной – цветением*** *сливы,* ***азалий****, вишни* (В. Овчинников, *Ветка сакуры*, 1971), ориентирует в пространственной системе координат текста: *Этому способствовали* ***окружающие пейзажи*** *– кипарисы,* ***цветущие азалии****, могучие эвкалипты и воздух горячий и мокрый совсем как на берегу Черного моря* (В.И. Аблазов, *Дневник*, 1980); *Что мне запомнилось в турне больше всего*

---

[1] Н.Д. Федяева, закономерно обращая внимание на актуализацию флоронимов (в терминологии автора) в функции цветообозначений, в качестве примеров приводит названия некоторых продуктов компании «AVON», в частности, лака для ногтей: *фуксия, утренняя роза,* ***цветущая азалия*** (выделено – Т.С.), *пленительная роза, пион, фиалка* [Федяева 2013].

[2] Примечательно, что в некоторых случаях азалия и рододендрон не отождествляются.

– *как* ***из замерзшего Ванкувера****, после долгого перелета, мы попали* ***в солнечный Лос-Анджелес****, к пальмам, солнцу,* ***цветущим азалиям*** (Н. Бестемьянова, *Пара, в которой трое*, 2000–2001). Помимо цветового признака, в описании азалии спорадически актуализируется признак утраты цвета: *Мраморные столики усыпаны* ***опавшими лепестками азалий, словно отцветшими звездами*** (А. Браво, *Комендантский час для ласточек*, «Сибирские огни», 2012).

розовый. алый. в цвету. Поэтический подкорпус НКРЯ ожидаемо фиксирует использование в описании азалии термина цвета *розовый*: *Светляками, крыльями стрекоз* ***Над кустами розовых азалий*** *За вопросом кружится вопрос* (И.В. Одоевцева, *Средь меланхолических ветвей...*), его данные также подтверждают значимость восприятия цветущей азалии: ***Азалии****, глицинии, магнолии –* ***в цвету*** (Н.Н. Асеев, *Абхазия*). Вместе с тем расширяют цветовой спектр, используемый в колористическом описании растения, термином цвета *алый*: *Она и мать. Молчат – сидят* ***Среди алеющих азалий*** (Андрей Белый, *Мать*) и цвето-световой лексикой: ***Азалии горят закатом*** *страстно, / А я мечтой творю весенний сон* (Г.В. Иванов, *Сонет-акростих*), которая позволяет создать динамический эффект при восприятии, на что указывает и Е.А. Кац, исследуя стратегии, связанные с модификацией предикатов в идиолекте Г.В. Иванова: «статическая ситуация представлена как динамическая» [Кац 2009, 11].

Цвет азалии. Англоязычный цветовой стандарт. Обращение к другим национальным корпусам языка, в частности к Британскому национальному корпусу [BNC], проявляя цветовые предпочтения определенного этноса, раскрывает возможности сопоставительного исследования цветообозначения.

белый. кремовый. В BNC фиксируется корреляция фитонима *азалия* с терминами цвета *white* (*белый*) и *creamy* (*кремовый*): *Everywhere masses of lovely wild flowers abounded, the most noticeable being a red wild rose, and a lovely small* ***azalea covered with white*** *or* ***creamy blossom*** (*Lhasa Mission Diary*, 1936), причем цветовая характеристика может носить опосредованный характер: *In honour of the Regent a line of stones has been put down on each side of the road, and, at every few hundred yards, improvised incense burners have been built of sods. When the Regent passes,* ***azalea*** *and artemesia* ***leaves will be burnt to produce clouds of white smoke*** (*Lhasa Mission Diary*, 1936). В выявленных описаниях посредством оценочной модальности актуализируется многообразие и выразительность цветовой гаммы цветущей азалии: *Between May and August, this area is filled with* ***a spectrum of dramatic colours*** *while our rhododendrons and azaleas are* ***in flower*** (*Arboretum Guide*, Oxford Botanic Garden and Arboretum); *Late spring is a glorious*

time to visit the Arboretum. Our collection of azaleas and rhododendrons are flowering ***in a stunning range of colours****, including Rhododendron 'Jean Marie de Montague'...* (*Seasonal Highlights at the Arboretum*, Oxford Botanic Garden and Arboretum) [BNC]. Примечательно, что словосочетание *кремовая азалия* находит отражение и в русскоязычном рекламном дискурсе. Ср.: сумка женская Mattioli 102–09C *Кремовая азалия* [Торбинка], сумка женская Mattioli 106–18C *Светло-кремовая азалия* [Rozetka].

Цвет азалии. Ассоциативный эксперимент

Ассоциативный эксперимент, согласно существующему в современном языкознании мнению, рассматривается как один из «доминирующих методов исследования концептов культуры» [Сегал 2005, 136], лежит в основе создания ассоциативного словаря, который, в свою очередь, по авторитетному мнению Н.В. Уфимцевой, является такой моделью «языковой картины мира, которая представляет собой набор правил оперирования знаниями (вербальными и невербальными значениями) о культуре, в результате которого у потребителя словаря формируется представление о фрагменте картины мира определенной культуры», более того:

> является отображением уникальных моделирующих способностей вербальной памяти «усредненного» носителя языка, принадлежащего к определенному поколению, и моделью знаковой языковой системы, указывающей на образы сознания коммуникантов, – образы, достаточные для взаимопонимания [Уфимцева 2014, 29].

ЯРКО-РОЗОВЫЙ. КРАСНЫЙ. МАЛИНОВЫЙ. СИНИЙ. ЗЕЛЕНЫЙ. КРАСНО-РОЗОВЫЙ. БЕЖЕВЫЙ. ЖЕЛТЫЙ. ОРАНЖЕВЫЙ. ЖЕЛТО-РОЗОВЫЙ. ЦВЕТ МОРСКОЙ ВОЛНЫ. В *Русском ассоциативном словаре* стимулы АЗАЛИЯ/РОДОДЕНДРОН не зафиксированы, однако в нашем распоряжении есть результаты проведенного Н.Д. Федяевой эксперимента, цель которого, по мысли автора, «заключалась в выяснении наличия/отсутствия в языковом сознании русских доминирующего цветового облика растения». В результате опроса респондентов (35 студентов Омского государственного педагогического университета, девушки, 18–20 лет), получивших задания назвать цвет азалии, были получены следующие «колористические» реакции на стимул АЗАЛИЯ: *ярко-розовый* 9, *красный* 5, *малиновый*, *синий*, *зеленый* 3, *красно-розовый*, *бежевый*, *желтый*, *оранжевый*, *желто-розовый*, *цвета морской волны* 1; *затрудняюсь ответить* 3 [Федяева 2013].

ЯРКО-РОЗОВЫЙ. Таким образом, и на уровне ассоциативного эксперимента подтверждается сильная позиция *розового* в визуализации азалии (ср. с приведенными выше данными словарей, данными НКРЯ, а также с выводами, сделанными А.П. Василевичем, который, фиксируя термин цвета *азалия* отмечает, что «в большинстве случаев вполне реальным является вариант прямого использования названия предмета в качестве цвета (*алебастр*, *азалия*, *сапфир* и т. п.)» [Васильевич, Кузнецова, Мищенко 2005, 131, 187]), что укрепляет нас в мысли о стереотипичности розового цвета для азалии.

КРАСНЫЙ. Согласно результатам ассоциативного эксперимента, проведенного Н.Д. Федяевой, вторую позицию в цветовой иерархии занимает термин цвета *красный*, вместе с тем *белый*, который входит в цветовую триаду *розовый*, *белый*, *красный*, согласно лексикографическим источникам (*Толковый словарь русского языка* под ред. Д.Н. Ушакова; *Толковый словарь русского языка* С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой; *Русский семантический словарь* под ред. Н.Ю. Шведовой; *Словарь русского языка XXI века* под ред. Г.Н. Скляревской) не фиксируется. Несмотря на подтверждающие значимость *красного* в визуализации азалии лексикографические данные, данные ассоциативного эксперимента, корреляция термина цвета с фитонимом *азалия* не находит отражения в НКРЯ. Восполнить данную лакуну позволяет ряд лингвистических исследований, осуществляемых их авторами (А.Р. Аль-Хаснави, Д.С. Ищенко, А.С. Кожевникова, Чжао Паньпань) в различных аспектах: лингвокультурологическом, лингвоэстетическом, ассоциативном, а также в символического потенциала цветообозначений).

Так, А.Р. Аль-Хаснави [2017, 48], выявляя «сочетаемость глаголов становления и проявления цветного признака, представляющих один из компонентов языковой картины мира, с различными лексико-семантическими группами имен существительных», фиксирует корреляцию термина цвета *красный* (*краснеть(ся)* ‘выделяться красным цветом, имеющим окраску одного из основных цветов спектра, цвета крови, яркого цвета мака, спелых ягод земляники’; ‘виднеться’), с «номинантами постройки и ее деталей (*кровля*), осветительных устройств (*лампочка*), травянистых растений (*цветок*, а з а л и я) (выделено – Т.С.), одежды и сопутствующих ей предметов, украшений (*пуговица*)» [там же], иллюстрируя значимую для нашего исследования корреляцию фитонима *азалия* с термином цвета *красный* примером из прозы М.М. Пришвина: «*Поспел виноград. На желтых пастбищах* ***закраснелись*** *блюдечками приплюснутые к земле умершие* ***азалии***» [там же]. Чжао Паньпань, исследуя с позиций лингвокультурологии специфику функционирования китайской фаунонимии-

ческой лексики в стихотворениях Ли Бо, фиксирует в тексте стихотворения *В городе Сюаньчэне смотрю на кукушкин цвет* «образ 杜鹃花 цветка кукушки (т. е. рододендрона или азалии)», который, по утверждению исследователя, имеет особую культурную коннотацию: Чжао Паньпань иллюстрирует данное положение китайской легендой, рассказывающей о том, что

> после смерти почтенного императора Ванди, князя Шу, птица-кукушка кричала днем и ночью и кашляла кровью, что окрашивало цветки в красный цвет (выделено – Т.С.), символизирующий горе [Чжао Паньпань 2020, 301].

А.С. Кожевникова, описывая способы языкового выражения символизма в произведении С. Джио *Последняя камелия*, фиксирует актуализацию символического значения цвета азалии – *кроваво-красный* ‘ярко-красный, цвета крови’: «цвет азалий говорит об опасности и имеет отсылку к недавней смерти. *A wall of rhododendrons lined the walkway, bloodred*» [Кожевникова 2018, 130–131]. Д.С. Ищенко, выявляя «лингвоэстетические принципы фонетической организации поэтической речи В.Я. Брюсова» [Ищенко 2009, 5], анализирует цветофоносемантические авторские ассоциации. Обращаясь к тексту стихотворения *В будущем*, Д.С. Ищенко акцентирует внимание на описании азалии, растения, по замечанию автора, «преимущественно с красными и желтыми цветами»: «*Я лежал в аромате азалий, / Я дремал в музыкальной тиши, / И скользнуло дыханье печали, / Дуновенье прекрасной души*». На основании цветофоносемантического анализа Д.С. Ищенко приходит к выводу о том, что «цветовая гамма ФАЗ полностью совпадает с цветовой гаммой, выраженной лексически. На фонетическом уровне преобладают звуки, реализующие фонему <а> ([а], [ʌ]), по классификации А.П. Журавлева, красные. Показательно, что частотность данной фонемы в приведенных строках практически в 5 раз превышает норму (Журавлев 1981, 159), это усиливает действие красного цвета, придает убедительность текстовым единицам лексического уровня» [Ищенко 2009, 18]. Таким образом, функциональный потенциал термина цвета *красный*, коррелирующего с фитонимом *азалия*, подтверждает сильную позицию цветообозначения в колористическом спектре, традиционно используемом в описании растения.

Подводя итог, представим выявленный нами актуализируемый в описаниях азалии колористический диапазон, состоящий из цветообозначений (в алфавитном порядке) *алый*, *бежевый*, *белый*, *вечнозеленый* (в терм. зн.), *дерзко-желтый*, *желто-розовый*, *желтый*, *зеленый*, *золотистый* (в терм. зн.), *красно-малиново-розовый*, *красно-розовый*, *красный*, *кроваво-красный*, *лиловый*, *малиновый*, *оранжевый*, *пунцовый*, *розовый*,

синий, *темно-лиловый*, *фарфоровый*, *цвета морской волны*, *ярко-розовый*, расширяющийся лексемами со значением ‘отличающийся чистотой и концентрированностью цвета’ (*яркий*), со значением ‘быть в поре цветения’ (*цветущий*), ‘окрашенный во множество цветов’ (*всевозможных цветов и оттенков*, *различной окраски*), с семантикой ‘свет’ (*гореть закатом*), содержащими цветовой признак имплицитно (*нарядный*) и иллюстрирующий, таким образом, как взаимосвязь цветового и светового признака, так и выразительный потенциал коррелирующих с фитонимом *азалия* цветообозначений. Доминантами данного спектра являются *розовый*, *белый*, *красный*, репрезентанты КОНЦЕПТА КРАСНОГО И БЕЛОГО ЦВЕТА, согласно В.Г. Кульпиной [Кульпина, 2019], в полной мере коррелирующие с закрепленной лексикографически цветовой триадой: *азалия* ‘декоративное растение с красивыми цветами, розовыми, белыми или красными’ [*Толковый...* Ушаков]. Абсолютной доминантой в визуализации азалии является *розовый*, представленность которого в художественном, журналистском и рекламном дискурсе, несмотря на многообразие природной окраски растения, позволяет сделать заключение о стереотипе колористического восприятия растения: *розовая азалия*. Выявленные в ходе исследования индивидуального, лексикографического, авторского, художественного, журналистского, рекламного дискурса особенности функционирования фитонима *азалия*, коррелирующего с термином цвета (расширение лексической сочетаемости, тенденция к созданию нового термина цвета, функциональная полнота и др.), позволяют проследить преломление в цветовой концептосфере языка индивидуально-авторской цветовой концептосферы, многосторонне описать фрагмент цветовой концептосферы флористического пространства русского языка.

Литература

Алешина Е.К., 2009, *Исследование наименований растений и национальная языковая картина мира: к постановке проблемы*, «Вестник НГУ», Серия: История, филология, т. 8, вып. 2, с. 34–37.

Аль Хаснави А.Р., 2017, *К вопросу о сочетаемости глаголов становления и проявления цветного признака с разными лексико-семантическими группами имен существительных*, «Филологические науки. Вопросы теории и практики», № 5(71), ч. 2, с. 47–52.

Аникина Т.В., 2018, *Словообразовательная структура фитонимической лексики в английском и русском языках*, «Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики», т. 4, № 4, с. 3–13.

Большой толковый словарь русского языка, 2000, ред. С.А. Кузнецов, Санкт-Петербург.

Васильевич А.П., Кузнецова С.Н., Мищенко С.С., *Цвет и названия цвета в русском языке*, 2005, Москва.

Василевич А.П., Михайлова Т.А., 2003, *Лазурь и пурпур. Чему учит история терминов цвета*, [в:] *Российская наука: «Природой здесь нам суждено»*, ред. В.П. Скулачев, Москва.

Горбовская С.Г., 2015, *Фитоним как литературно-художественный образ (от флоротропа к субъективно-ассоциативному флорообразу)*, «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки», вып. 9, с. 309–310.

Даки Е.А., 2013, *Семантические и лексические локализмы через призму ботанической лексики украинских южнобессарабских говоров*, «Славянский мир в третьем тысячелетии», вып. 8, кн. 2, с. 98–113.

Дьяченко Ю.А., 2012, *Цветовая палитра фитонимической лексики в художественной прозе Е.И. Носова*, «Курское слово», № 9, с. 38–43.

Ефремова Т.Ф., 2000, *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*, https://www.efremova.info (дата доступа: 6.05.2021).

Журавлев А.П., 1981, *Звук и смысл*, Москва.

Ив Роше, https://www.yves-rocher.ru/kosmetika-dlya-makiyazha/kosmetika-dlya-makiyazha-glaz/teni-dlya-vek/teni-dlya-vek-matovye/p/27857 (дата доступа: 6.05.2021).

Исаев Ю.Н., 2019, *Фитонимическая картина мира в разноструктурных языках*, Чебоксары.

Ищенко Д.С., 2009, *Фоносемантические и цветофоносемантические художественные ассоциации в поэтической речи: на материале творчества В.Я. Брюсова*, Ставрополь.

Кац Е.А., 2009, *Языковая личность в поэтическом идиолекте Георгия Иванова*, Москва.

Кожевников И.Р., Шевчук О.П., Мережко Е.В., 2018, *Символические значения флоронимов в составе фразеологизмов китайского и японского языков (сопоставительный аспект)*, «Филологические науки. Вопросы теории и практики», № 9(87), ч. 1, с. 90–96.

Кожевникова А.С., 2018, *Символизм цветка камелии в романе С. Джио «Последняя камелия»*, [в:] *Языковое образование сегодня – векторы развития*, ред. О.П. Казакова и др., Екатеринбург, с. 129–135.

Копочева В.В., 1985, *Соотношение искусственной и естественной номинации (на материале названий растений)*, Томск.

Кропотухина П.В., 2014, *Концептосфера «Мир растений» как объект лингвистических исследований*, «Педагогическое образование в России», № 6, с. 35–39.

Кудрявцева Н.Б., 2015, *Категория цвета в номинациях фитонимов современного немецкого языка*, «Когнитивные исследования языка», вып. 22, с. 645–647.

Кульпина В.Г., 2019, *Лингвистическая цветология: от истории к современности цветовых концептосфер*, Москва.

Летова А.М., 2012, *Из истории исследования фитонимической лексики: лингвокультурологический аспект*, «Вестник МГОУ», Серия: Русская филология, № 2, с. 30–34.

Лихачев Д.С., 1997, *Концептосфера русского языка*, [в:] *Русская словесность: от теории словесности к структуре текста*, ред. В.П. Нерознак, Москва, с. 147–165.

Национальный корпус русского языка, https://ruscorpora.ru/new (дата доступа: 6.05.2021).

Паустовский К.Г., 1981, *Колхида*, [в:] *Собрание сочинений в 9 томах*, Москва.

Паустовский К.Г., 1982, *Далекие годы*, [в:] *Собрание сочинений в 9 томах*, Москва.

Плунгян В.А., 2008, *Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики*, «Русский язык в научном освещении», № 2(16), с. 7–20.

Проект «СЛОВАРИ.РУ», http://slovari.ru/start.aspx?s=0&p=3050 (дата доступа: 6.05.2021).

Рубцова О.Г., 2014, *Цветообозначение в фитонимах разноструктурных языков (на материале марийского, русского, немецкого и латинского языков)*, «Вестник Чувашского университета», № 1, с. 149–153.

Русский ассоциативный словарь, 2002, http://tesaurus.ru/dict (дата доступа: 9.05.2021).

Сегал Н.А., 2005, *Ассоциативный эксперимент как метод исследования культурных концептов*, «Культура народов Причерноморья», № 69, с. 136–138.

Семочко С.В., Шумарова Я.А., 2020, *Фитонимы в первичной и вторичной номинации (на материале немецкого и русского языков)*, «Язык, коммуникация и социальная среда», № 18, с. 143–155.

Сивова Т.В., 2021a, *Доминанты цвета флористического пространства прозы К.Г. Паустовского*, «Когнитивные исследования языка», № 3(46), с. 639–643.

Сивова Т.В., 2021b, *Колористические доминанты прозы К.Г. Паустовского в визуализации фитонимического пространства произведений писателя: черный*, «Язык. Культура. Перевод. Коммуникация», вып. 3, с. 260–264.

Сивова Т.В., 2021c, *Концептосфера цвета флористического пространства прозы К.Г. Паустовского*, [в:] *Международная научная конференция Российского общества цвета*, ред. Ю.А. Грибер, В.М. Шиндлер, Смоленск, с. 97–101.

Скляревская Г.Н. и др., 2019, *Словарь русского языка XXI века. Проект словаря*, "Journal of Applied Linguistics and Lexicography", т. 1, № 1, с. 136–311.

Сун Чуньчунь, Чарыкова О.Н., 2016, *Система колоративов в рекламных каталогах декоративной косметики*, «Вестник ВГУ», Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, № 3, с. 30–32.

Толковый словарь русского языка, ред. Д.Н. Ушаков, https://ushakovdictionary.ru (дата доступа: 6.05.2021).

Толковый словарь русского языка, 1992, ред. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова, Москва.

Торбинка, интернет-магазин, https://torbynka.ua/sumka-zhenskaya-mattioli-102-09c-kremovaya-azaliya (дата доступа: 9.05.2021).

Федяева Н.Д., 2013, *Цветы и цвета в русском языке: о некоторых чертах ассоциативных полей флоронимов в аспекте создания рекламного текста*, «Современные проблемы науки и образования», № 1, с. 375.

Хабибулина Э.А., 2014, *Немецкие адъективные цветообозначения в языке моды*, Нижний Новгород.

Чжао Паньпань, 2020, *Фаунонимическая лексика в древней китайской поэзии и ее перевод на русский язык*, «Филологические науки. Вопросы теории и практики», т. 13, вып. 6, с. 299–303.

Уфимцева Н.В., 2014, *«Русский ассоциативный словарь» как источник изучения русской языковой картины мира*, «Проблемы истории, филологии, культуры», № 3, с. 27–29.

BNC (British National Corpus), http://www.natcorp.ox.ac.uk/using/index.xml (дата доступа: 6.05.2021).

Rozetka, онлайн-ритейлер, https://rozetka.com.ua/199829503/p199829503 (дата доступа: 9.05.2021).

Wildberries, https://www.wildberries.ru/catalog/7726598/otzyvy (дата доступа: 9.05.2021).

AZALEA'S COLORISTIC VISUALIZATION: FROM WRITER'S INDIVIDUAL PICTURE OF THE WORLD TO COLLECTIVE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS

Summary

The article is based on the material of individual, lexicographic, artistic, advertising discourses. The study reveals the specifics of azalea's coloristic visualization. The main results of the undertaken research are as follows: 1) on the basis of lexicographic data, the National Corpus of the Russian language, K. Paustovsky's prose, and associative experiment data, the color range in azaleas' color descriptions was revealed; 2) the prevailing color triad: *pink*, *white*, *red* and the absolute color dominant were established; 3) the features of the phytonym *azalea* correlated with the color term were described.

Keywords: color linguistics, color term, phytonyme, concept, language picture of the world, idiostyle

Ключевые слова: лингвистика цвета, термин цвета, фитоним, концепт, языковая картина мира, идиостиль